

Далия
ТРУСКИНОВСКАЯ

У ПРЕСНОВОДЬЯ
ДУБ ЗЕЛЕНый...

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Т77

Миры Далии Трускиновской

Трускиновская, Д.

Т77 У Пресноводья дуб зеленый... / Д. Трускиновская. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 302 с. — (Миры
Далии Трускиновской).

ISBN 978-5-521-74177-9

Волшебные миры Далии Трускиновской понравятся каждому любителю фантастики. Есть тут фэнтези классические — с эльфами, гномами, рыцарями, магами, феями и приключениями. Есть и фэнтези фольклорные — с домовыми, лешими, кикиморами, водяными, болотными чертями и, опять же, с приключениями. Есть даже фэнтези мистические — герои бродят по границам между мирами, где оживают слова и философствуют тараканы — те самые, что в голове. В этих книгах любой читатель найдет себе персонажей и сюжеты по вкусу. Эльфы? Получайте! Домовые? Получайте! Лабиринты астрала? Добро пожаловать!

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74177-9

© Далия Трускиновская, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

У ПРЕСНОВОДЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЬЙ...	5
АВОСЬ ПРОРВЕМСЯ!	146
КЛАДОИСКАТЕЛИ	247
КОМАНДИРСКОЕ ОГНИВО	283

У ПРЕСНОВОДЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНый...

Глава первая Тайный и чрезвычайный сплав

— Значит, бабушка, вот твое место, — сказал Портновский Вере Федоровне. — Ключ будешь брать на вахте, там у нас студент сидит, и ему же отдавать, он по суткам работает. А ты будешь сидеть тут, вязать, книжки читать, телик смотреть. Хоть песни пой — только не спи. Спать — нельзя, буду звонить ночью, проверять.

— То есть я убираю раздевалки, туалеты, мою пол в коридоре, а потом сажусь сюда? — уточнила Вера Федоровна.

— Именно так. По времени у тебя получается вот что: заступаешь в девять вечера, убираешь большую женскую раздевалку и женские душевые, потом большую мужскую и душевые. Пока разгребешься — вот тебе и десять, бассейн закрывается. То есть, официально закрывается, но там еще две фирмы дорожки арендуют до одиннадцати. Приедет кто —пустишь в малые раздевалки, нет — и слава Богу. Убираешь малые раздевалки, туалеты, протираешь коридор — и свободна. Читай, письма пиши, песни пой, пасьянсы раскладывай, на жениха гадай...

— Какие женихи! — Вера Федоровна даже руками замахала, но вдруг замерла, вспоминая, и, к превеликому

удивлению Портновского, запела тоненьким девчачьим голоском, вздергивая плечико и играя глазками:

*Две старухи без зубов
Ой, толковали ды про любовь!
Ой, мы с тобою ды влюблены,
Ой, ты в картошку, ды я в блины!*

Портновский вежливо посмеялся — очень уж Вера Федоровна хотела ему понравиться, угодить бойкостью, чтобы наверняка взял ее на работу. А работа была не самая лучшая для семидесятилетней бабушки — дежурства через ночь, с уборкой и обходами здания.

Однако если у бабушки нет иного выхода...

Она уж и счастлива была беспредельно, что никто ее не будет оформлять официально и не потребует проклятую «аплиецибу».

В маленькой стране, куда Веру Федоровну угораздило переселиться из Пскова вместе с молодым мужем-офицером, после обретения свободы и независимости начались приключения с языком. Местные патриоты хотели вообще истребить русский из всех сфер жизни, но сразу не получилось — русского населения в государстве, свободном от энергоносителей и независимом от здравого смысла, оказалось больше половины. Тогда объявили местный язык государственным и потребовали, чтобы все сдавали экзамены. Тому, кто доказал владение языком на одном из трех уровней, выдавали удостоверение — «аплиецибу». Без этой филькиной грамоты просто не брали на работу.

Естественно, нашлись среди чиновников добрые души и стали этими корочками торговать. Вера Федоровна купила «аплиецибу» сыну, а для себя денег пожалела. Когда сын остался без работы и они должны были выкручиваться вдвоем на ее пенсию, тем более стало не до покупок. Пенсии аккурат хватало, чтобы заплатить за квартиру зимой. А ведь нужно еще что-то кушать. И вот Вера Федоровна по какому-то хитросплетенному знакомству попала в спортивный комплекс, а именно — в бассейн. Ее согласились туда взять без всяких бумажек — а только после каждого дежурства выдавать плату, достаточную для того, чтобы им с сыном кое-как два дня прокормиться. Но и это уже был праздник — Вера Федоровна задолжала чуть ли не всем соседям. И она уже прикидывала, по сколько нужно откладывать с каждого дежурства, чтобы отдать самые неотложные долги.

Заместитель директора комплекса по хозяйственной части Толя Портновский знал про этот оптимизм и всяко его поддерживал. Эта новая бабушка еще не пронюхала, что до нее тут сменилось не меньше двух десятков старушек, тоже без «аплиециб», и эти старушки получали плату только первые недели полторы, потом же Покровский начинал ссылаться на объективные трудности, показывал книжечку, где исправно отмечались все выходы на работу, обещал деньги на следующей неделе, месяц спустя скрывался, и, когда сотрудники доносили, что очередная бабушка, плюнув, покинула рабочее место навсегда, он уже имел на примете следующую жертву. Таким образом и помещения при бассейне были чисты, и обходилось это недорого, куда дешевле, чем если бы офици-

ально оформлять человека с «аплиецибой» и платить за него все налоги.

Но Вера Федоровна всего этого пока не знала.

Портновский вместе с ней прошел маршрут обхода, показал, на что обращать внимание, выдал ключ от подсобки и уехал, а она осталась.

Этот первый после долгого перерыва рабочий день — а точнее, рабочую ночь, — Вера Федоровна, можно сказать, отпраздновала. Она взяла с собой старый китайский термос с кофе (отходы из больших кофеварок оставляла ей крестница Наташа, служившая в кафешке, получался неплохой вторяк), бутерброды с маргарином и пакетик с чесночной солью (подарок дворничихи, за которую она иногда мыла подъезд).

До девяти вечера еще было время, Вера Федоровна читала газетку «Эра Водолея» (очень любила все таинственное, особенно про покойников и привидения), перекусила, посмотрела телевизор и взялась за работу.

В большой женской раздевалке толстые тетки, сидя голышом, азартно перемывали кости ближним и дальним.

— Время, время, — строго сказала им Вера Федоровна и добавила с гордостью: — Мне тут убираться!

Ей очень хотелось ощутить себя молодой, здоровой, в меру нахальной, как положено женщине, которая РАБОТАЕТ, а не ДОМА СИДИТ. Но толстые тетки не обратили внимания на уборщицу. Тогда Вера Федоровна пошла в душевую, примыкавшую к раздевалке. Из душевой маленьким коридорчиком можно было выйти прямо к бассейну.

Она ни разу в жизни не была в бассейне и даже не представляла, как он выглядит. Особенно ее удивил высо-

ченный потолок. Неестественная голубизна воды и запах хлорки ей понравились: где хлорка, там чистота и порядок. Еще бы следовало, наверно, выключить свет, ведь на дорожках не осталось ни единой души, но насчет света Портновский указаний не давал. Наверно, этим занимался какой-то другой человек. Может, даже тот, кто прибирался в бассейне.

Тут Вера Федоровна задумалась — приборки там ведь было очень мало, только протереть плиточный пол и, может быть, еще поручни. Если для этого держат особого человека, так ведь она за крошечную доплату и бассейн бы могла обиходить, а того человека специально для бассейна держать не надо. Выстраивая в уме будущий разговор с Портновским, она развернулась, чтобы идти мыть душевую, и тут у нее за спиной громко плюхнуло.

Вера Федоровна резко повернулась. Странное дело — плавающие шары, нанизанные на веревки, что разграничивали дорожки, колыхались.

— Ахти мне... — растерянно произнесла она. — Не с толка ли что свалилось? У них валится, а я виновата буду...

Несколько расстроившись из-за будущих неприятностей, она двинулась было к душевым, но в бассейне забульчало, как если бы кто-то, сидя на дне, выпустил гирлянду пузырей.

— Да ну вас! — сердито сказала Вера Федоровна. — Делать людям нечего, по бассейнам ходят...

Она имела в виду, конечно же, не посетителей, а тех, кто построил это бесполезное, на ее взгляд, сооружение. Но посетителей она не одобряла в первую очередь — они мешали убираться, вот с них и начала.

Проверив все краны и закрутив их потуже, подобрав с пола раскисший кусок мыла и отковыряв от стены присохшую жвачку, Вера Федоровна ощутила себя хозяйкой, а это очень важно, когда прибираешься в новом месте.

— Где тут моя тряпка? — сама себя спросила она, хотя тряпка была не собственная, а здешняя. — Где тут мой мусорник?

После вынужденного безделья она снова строила вокруг себя прекрасный мир РАБОТАЮЩЕЙ женщины и радовалась своей власти над четырьмя раздевалками, душевыми, туалетами, коридором и крошечной подсобкой.

Толстые тетki ушли, оставив бардак — рваный пакет с картинкой, мятую газету, белые стаканчики из-под йогуртов. Вера Федоровна старательно прочитала написанное немецкими буквами название и покивала головой — сейчас она была уже почти на равных с этими РАБОТАЮЩИМИ тетками и уже завтра могла бы тоже позволить себе купить стаканчик йогурта — кстати, впервые в жизни...

Вымыв полы и протерев мокрой тряпкой все, до чего дотянулась, она пошла, как было велено, в большую мужскую раздевалку и хозяйничала примерно до половины двенадцатого. Туалеты она оставила напоследок — и похвалила себя, что догадалась взять у соседки Ирмы одноразовые перчатки, в которых та позавчера красила волосы.

— Носом бы вас сюда, носом, — неодобрительно сказала она отсутствующим пакостникам, насвинячившим в туалете. И взялась за дело с радостным азартом.